

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

УДК 94(37).04

к. ист. н., Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610
(Малый пр. П.С., 9/6, Санкт-Петербург, Россия, 197198)
Ander-Vaas@yandex.ru

***РИМСКИЙ ОБРЯД DEVOTIO
И РАННЕХРИСТИАНСКОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***

Обряд посвящения себя полководцем вместе с вражеским войском в жертву подземным богам (*devotio*), совершавшийся во время битвы для достижения победы, встречается в римской истории лишь дважды и оба раза оказывается связан с семейством Дециев. В историографии уже давно продолжается дискуссия о том, какой религиозный смысл имел этот обряд: был ли он обетом (*votum*), то есть обещанием богам собственной жизни ради победы над врагом, которая испрашивалась взамен, или формой обречения самого себя на гибель вместе с войском врагов (*consecratio*). Автор приходит к выводу, что обряд *devotio* носил индивидуальный характер и его нельзя отнести к какому-либо одному виду римских религиозных ритуалов. Кроме того, в статье обращается внимание на некоторые особенности в описаниях этого обряда античными авторами, которые сближают его с феноменом раннехристианского мученичества, известным из агиографической литературы и произведений христианских авторов I–III вв. Аристократический характер ритуала *devotio* не был препятствием для использования его образа христианами писателями, что может говорить о том, что ранняя христианская община была в значительной степени вписана в контекст античной культуры.

Ключевые слова: Рим, религия, *devotio*, раннее христианство, мученичество

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01260-а2 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры».

ANFREY VLADIMIROVICH VASIL'EV

PhD in history, The Classical Gymnasium of St. Petersburg, School N 610
(Maluy prospect Petrogradskoy storonu, dom 9, corpus 6,
Saint-Petersburg, Russia, 197198)
Ander-Vaas@yandex.ru

***ROMAN RITE OF DEVOTIO
AND EARLY CHRISTIAN MARTYRDOM:
A COMPARATIVE STUDY***

The rite of the self-devotion of a Roman together with the enemy's army to the infernal gods for the sake of victory occurred twice in the Roman history and both times was connected with the Decii family. The religious meaning of this rite is still discussed. Some historians consider it as one of the typical vows (votum), a sort of a promise to bring the gods one's life instead of the victory over the enemy. Others think it was a self-consecration (consecratio) of a Roman general. The author represents some contemporary interpretations of the rite. He also marks out some details that might help to comprehend this ritual as a particular and individual one and make it impossible to attribute it to one of the known types of Roman religious rites. Besides, the paper deals with some features in the ancient authors' descriptions of this rite that draw it together with the phenomenon of the Early Christian martyrdom, well-known from the hagiographic literature and other Christian writings of the 1st-3rd centuries. The ideas of sacrifice and glory which is attained through the sacrifice are present in the descriptions of the both forms of the death with dignity. Both phenomena can be characterized by accompanying afflatus and the transformation of the person influenced by the forthcoming voluntary death. Aristocratic character of the devotio ritual wasn't an obstacle for the use of its image by the Christian writers. This may prove that the Early Christian community was quite familiar with the ancient culture. Comparing two forms of self-sacrifice the author concludes that they were characterized by the common motive of the individual choice which was usual for different forms of "noble death" in antiquity.

Key words: Rome, religion, devotio, Early Christianity, martyrdom

*Дециев дух был плебейским, плебейскими были и сами
Их имена, но богам преисподней, земле их отчизны
Было довольно двоих за все легионы и войско
Римских союзников всех и за все поколение латинов.¹*

(Перевод Д. С. Недовича)

Обряд посвящения себя полководцем вместе с вражеским войском в жертву подземным богам (*devotio*), совершавшийся во время битвы для достижения победы, встречается в римской истории лишь трижды. Все три раза он оказывается связан с семейством Дециев Мусов, представители которого дважды повторили этот подвиг в разных войнах, которые вели римляне во второй половине IV – начале III вв. до н. э. В связи со своим исключительным характером этот обряд всегда вызывал интерес в историографии и достаточно полно описан, что также связано с немногочисленностью известных о нем сведений, дошедших, главным образом, из исторического труда Тита Ливия².

В то же время историки, изучающие исторический контекст раннехристианского мученичества, в последнее время все чаще отмечают, что этот феномен не приобрел бы такого распространения в среде обращенных в христианство язычников в отсутствие предшествующей римской традиции прославления различных форм благородной смерти³.

¹ *Juv.*, VIII, 254–257.

² Основное свидетельство: *Liv.*, VIII, 9–11. Основные работы об обряде *devotio*: Bouché-Leclercq A. *Devotio* // *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*. T. II. 1892. P. 113–119; Deubner L. *Die Devotion der Decier* // *Archiv für Religionswissenschaft*. Bd. 8. Leipzig, 1905. S. 66–81; Wissowa G. *Devotio* // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 5. 1905. Sp. 277–280; Schilling R. *The Roman Religion* // *Historia Religionum* / Ed. by C. J. Bleeker and G. Widengren. Vol. I. Leiden, 1969. P. 474–476; Versnel H. S. *Two types of Roman devotio* // *Mnemosyne*. Vol. 29. Fasc. 4. 1976. P. 365–410; Janssen L. F. *Some Unexplored Aspects of devotio Deciana* // *Mnemosyne*. Vol. 34. Fasc. 3/4. 1981. P. 357–381.

³ Barton A. *Savage Miracles: The Redemption of Lost Honor in Roman Society and the Sacrament of the Gladiator and the Martyr* // *Representations*. N 45. 1994. P. 41–71; Bowersock G. W. *Martyrdom and Rome*. Cambridge, 1995.

В рамках данной статьи мы вначале постараемся дать общую характеристику обряду *devotio*, а затем провести некоторые параллели между смысловым содержанием этого обряда, а также некоторыми его характерными чертами, и известной из агиографической литературы практикой раннехристианского мученичества I–III вв. и ее восприятием христианами авторами этого времени.

Прежде всего, обратимся к тому, что нам известно о *devotio*, как об особом римском религиозном обряде. Тит Ливий более или менее развернуто описывает его, когда рассказывает о подвиге консула Публия Деция Муса в сражении с латинами вблизи Везувия в 340 г. до н. э. Этому рассказу предшествует история о том, как обоим консулам во сне было явлено одно и то же видение, в котором муж, превышающий обычных людей ростом и статью, объявил им, что в предстоящей битве победа даруется тому народу, полководец которого обречет в жертву подземным богам и Матери Земле (*Deis Manibus Matricae Terrae*) войско противника, а с ним и себя самого. Консулы, призвав гаруспиков и убедившись в божественном характере явленного им видения, открыто объявили об этом солдатам и договорились о том, что в жертву ради римского народа обречет себя тот из них, на чьем крыле римское войско начнет отступать (*Liv., VIII, 6, 9–13*). Ливий также рассказывает о предзнаменовании, полученном гаруспиками накануне сражения, которое предвещало благоприятный для римлян исход, но сулило Децию беду (*Liv., VIII, 9, 1*).

Во время сражения на фланге Деция гастаты, не выдержав натиска латинов, попятились назад к принципам. В этот момент консул призвал понтифика Марка Валерия, который приказал ему облачиться в претексту, покрыть голову, под тойгой рукой коснуться подбородка и, став ногами на копьё, произнести следующую ритуальную формулу: «Янус, Юпитер, Марс-отец, Квирин, Беллона, Лары, божества пришлые и боги здешние, боги, в чьих руках мы и враги наши, и боги преисподней, вас заклинаю, призываю, прошу и умоляю: даруйте римскому

P. 72; Edwards C. *Death in ancient Rome*. New Haven; London, 2007. P. 209–210.

народу квиритов одоление и победу, а врагов римского народа квиритов поразите ужасом, страхом и смертью. Как слова эти я произнес, так во имя государства римского народа квиритов, во имя воинства, легионов, соратников римского народа квиритов я обрекаю в жертву богам преисподней и Земле вражеские рати, помощников их и себя вместе с ними» (Пер. Н. В. Брагинской)⁴. После этого консул перепоясался на габинский лад (то есть, покрыв тогой голову), вооружился и, вскочив на коня, бросился в гущу врагов.

Важное пояснение к этому рассказу Ливий дает, завершив описание битвы и сообщив о гибели Деция и его похоронах после окончания сражения. «Тут нужно, наверное, добавить, что консул, диктатор или претор, обрекая в жертву богам вражеские рати, мог обречь на смерть не себя непременно, но любого гражданина, занесенного в список римского легиона» (Liv., VIII, 10, 11)⁵. При этом в случае гибели воина обет считается исполненным, но в противном случае в землю зарывают изображение (*signum*) семь футов (свыше двух метров) или больше высотой и закалывают искупительную жертву. Римским магистратам запрещается ступить на то место, где зарыто это изображение. Наконец, если полководец обрек в жертву самого себя, но не погиб, то он не может совершать никаких действий, связанных с почитанием богов, ни от своего имени, ни от имени государства (*neque suum neque publicum divinum pure faciet* — Liv., VIII, 10, 13), таким образом, становясь исключенным из религиозной жизни общины (*imprius*). У него остается право посвятить свое оружие Вулкану или какому-либо другому богу. Копье, на котором консул стоял во время произнесения заклинания, не должно было попадать руки врага. В противном случае требовалось принести в виде искупительной жертвы Марсу свинью, овцу и быка.

⁴ Liv., VIII, 9, 6–8: Iane, Iuppiter, Mars pater, Quirine, Bellona, Lares, divi novensiles, di indigetes, divi, quorum est potestas nostrorum hostiumque, dique Manes, vos precor veneror, veniam peto feroque, uti populo Romano Quiritium vim victoriam prosperetis hostesque populi Romani Quiritium terrore formidine morteque adficiatis, sicut verbis nuncupavi ita pro re publica exercitu, legionibus, auxiliis populi Romani Quiritium, legiones auxiliaque hostium mecum deis Manibus Tellurique devoveo.

⁵ Тот факт, что именно полководцы, наделенные *imperium*, могли совершить обряд *devotio*, подтверждается и Цицероном (Cic. De Nat. Deor., II, 10).

Таким образом, *devotio* представляется особым обетом (*votum*), адресатами которого были хтонические божества, а предметом — человеческие жизни, через уничтожение которых обет исполнялся. Г. Виссова полагал, что исполнение этого обета считалось обеспеченным, если тот, кто сделал посвящение, пал в битве, потому что если боги допускали смерть давшего обет полководца, они тем самым вступали в договор и обязались к оговоренному действию⁶. При этом, как было принято для государственных сакральных актов, формула зачитывалась вслух полководцу понтификом, а тот в свою очередь повторял ее за ним. Роль понтифика при этом оказывалась совершенно пассивной, поскольку для богов имели значения лишь слова, произнесенные римским магистратом, обладателем империя⁷. В центре формулы находится архаическая триада Юпитера, Марса и Квирина, а не более поздняя Капитолийская триада, что подтверждает ее раннее происхождение (не позднее VI в. до н. э.)⁸.

Указание в этой формуле на *di indigetes* вслед за перечислением богов, которые входили в эту категорию (Янус, Юпитер, Марс отец и все остальные), может быть отражением характерной для римского ритуала практики «общего призывания» (*generalis invocatio*), когда вслед за упоминанием конкретных божеств-адресатов, следовало вновь обратиться ко всем этим божествам вместе⁹. Что же касается божеств, которым отдаются жизни полководца и врагов, то Телла является здесь ключевой фигурой. Существует предположение, что это одно из имен

⁶ Wissowa G. *Devotio* // RE. Bd. V. Hbbd. 10. Stuttgart, 1905. Sp. 277. Взгляд на римский *votum* как на своеобразный «договор с богами» впоследствии был поставлен под сомнение, см. напр.: De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959. P. 310–312; Schilling R. *The Roman Religion* // *Historia Religionum* / Ed. by C. J. Bleeker and G. Widengren. Vol. I. Leiden, 1969. P. 474–476. В настоящее время в историографии более распространена точка зрения о том, что римский обет являлся скорее добровольным даром богам в расчете на ответную услугу с их стороны: Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*. Vol. I. Cambridge, 1998. P. 34.

⁷ Nock A. D. *A Feature of Roman Religion* // *Roman Religion* / Ed. by C. Ando. Edinburgh, 2003. P. 59.

⁸ Koch K. *Gestirverehrung im alten Italien: Sol Indiges und der Kreis der di Indigetes*. Frankfurt am Main, 1933. S. 86.

⁹ Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer* / 2. Aufl. München, 1912. S. 38.

Цереры, которая являлась одновременно богиней, дающей жизнь при рождении, и забирающей ее в момент смерти¹⁰.

Похожая формула встречается в римской литературе еще один раз в «Сатурналиях» Макробия (Macrob. Sat., III, 9). При этом латинский грамматик ссылается на ученого-антиквара эпохи Северов Серена Саммоника, который в свою очередь опирался на более раннее произведение некоего Фурия. Однако формула, передаваемая Макробием, явно была установлена позднее формулы *devotio*, известной Ливию. Речь в ней идет не об уничтожении войска, с которым сражаются, а об оставлении этим войском города, который пытаются завоевать и из которого уже призваны боги. Упоминание Карфагена и Дита-отца говорит о том, что в окончательном виде формула сложилась не ранее III в. до н. э., однако вполне вероятно существовала и более ранняя версия, на которую указывает ее архаический язык и сходство с формулой *devotio*. Г. Виссова полагал, что в формуле, которую сообщает Макробий, речь идет не об обете полководца (*devotio*), а о посвящении вражеской области богам (*consecratio*), которое в действительности последовало после захвата Карфагена¹¹. Однако в концовке самой формулы говорится о ней именно как об обете (Macrob. Sat., III, 9, 11), что ставит резонный вопрос о соотношении понятий *votum* и *consecratio* в случае с разбираемым нами феноменом.

Х. Вагенворт одним из первых поставил под сомнение тот факт, что самопожертвование Деция было обетом (*votum*). Он указал на то, что исполнение обета в римской религиозной практике всегда следовало за помощью богов, которую запрашивали посредством него. Классический пример такого рода — обеты о построении храма в случае успешного исхода сражения, к которым нередко прибегали римские полководцы¹². Вагенворт также обратил внимание на упоминание Флора о *devotio* сына консула 340 г. до н. э. Публия Деция Муса, относящееся к битве в Циминийском лесу во время Третьей

¹⁰ Altheim F. A History of Roman Religion / Transl. by H. Mattingly. London, 1938. P. 121.

¹¹ Wissowa G. *Devotio...* Sp. 279.

¹² Об обетах такого рода см.: Orlin E. M. *Temples, religion and politics in the Roman Republic*. Boston; Leiden, 2002. P. 29–35.

Самнитской войны. Флор пишет: «Второй консул Деций, окруженный в глубине долины, по примеру отца посвятил себя манам; и его род чтит его посвящение ежегодным торжественным жертвоприношением»¹³. На этом основании голландский исследователь сделал вывод о том, что *devotio* и являлось в первую очередь посвящением (*consecratio*), а не обетом (*votum*)¹⁴.

Если *devotio* равнозначно *consecratio*, то во время произнесения формулы полководец превращался в собственность богов (*sacer*). Это не означало, что он становился «жертвой» в сакральном смысле слова, но подразумевало, что его самопожертвование было своего рода «искупительной жертвой» за все вражеское войско, которое должно было погибнуть вместе с ним¹⁵.

Однако Тит Ливий описывает *devotio* Публия Деция Муса сына применительно к битве при Сентине (295 г. до н. э.), а не к сражению в Циминийском лесу, о котором он даже не сообщает. Это наиболее знаменитый из описываемых Ливием случаев *devotio* и он специально указывает на то, что во время триумфа Квинта Фабия воины в своих грубых песенках восхваляли не меньше его победы славную смерть Публия Деция, считая ее главной причиной успешного исхода сражения и вспоминая в похвалах сыну и о его отце (*Liv.*, X, 30, 9). Рассказ Ливия выглядит более достоверным, поскольку подобные вирши иногда записывались¹⁶, и даже в отсутствие записей память о них должна была бережно храниться в семействе Дециев вплоть до появления первых произведений римских анналистов, которые могли почерпнуть эту информацию от потомков героя.

Помимо консулов 340 г. до н. э. и 295 г. до н. э. попытку *devotio*, по-видимому, пытался совершить еще и внук первого из совершивших этот подвиг Дециев, консул 279 г. до н. э.,

¹³ Flor., I, 17, 7: Nam oppressus in sinu vallis alter consulum Decius more patrio devotum dis manibus optulit caput, sollemnemque familiae suae consecrationem in victoriae pretium redegit (курсив мой. — А. В.).

¹⁴ Wagenvoort H. Roman dynamism: studies in ancient Roman thought, language and custom. Oxford, 1947. P. 32.

¹⁵ Warde Fowler W. The Original Meaning of the Word Sacer // Journal of Roman Studies. Vol. 1. 1911. P. 60–62.

¹⁶ Например, отрывки солдатских песен о Цезаре, исполнявшихся во время его триумфа, приводит Светоний (*Suet. Caes.*, 49, 4; 51, 1).

во время битвы при Аускуле. Однако на этот счет в источниках нет ясности: Цицерон в одном из своих сочинений упоминает двоих Дециев (Cic. De Off., III, 4), павших в битве в результате *devotio*, а в другом — троих (Cic. Tusc. Disp., I, 37). Более поздние источники указывают на то, что последнее *devotio* не состоялось по причине того, что царь Пирр, предупрежденный об опасности, велел своим воинам не убивать консула во время битвы, но лишь захватить его живым, а, кроме того, сообщил о своем приказе и ему самому, вынудив отказаться от этой затеи (Cass. Dio, X, fr. 40, 43; Zon., VIII, 5, 2–3).

Одна из последних интересных гипотез, выдвинутых относительно характера *devotio*, принадлежит голландскому исследователю Х. Верснелю. Сравнивая описания сакральных формул Ливия и Макробия, а также в более широком смысле понятия *votum* и *consecratio*, он приходит к выводу, что описанный Ливием ритуал «посвящения полководца» (*devotio ducis*) состоял из двух частей, более древнюю из которых составлял обет посвящения богам вражеского города (*devotio hostium*), следы которого сохранились в передаваемой Макробием древней формуле. Примером раннего *devotio hostium*, предшествовавшего истории гибели Публия Деция, Верснель считает историю взятия римлянами этрусского города Вейи в 396 г. до н. э., передаваемую Ливием¹⁷. Диктатор Камилл перед началом решающего штурма произносит своеобразную молитву: «Под твоим водительством, о Пифийский Аполлон, и по твоему мановению выступаю я для ниспровержения града Вейи, и даю обет пожертвовать тебе десятину добычи из него. Молю и тебя, царица Юнона, что ныне обихаживаешь Вейи: последуй за нами, победителями, в наш город, который станет скоро и твоим. Там тебя примет храм, достойный твоего величия» (Пер. С. А. Иванова)¹⁸. В данном случае речь вполне определенно идет об обете (*votum*), поскольку Аполлону обещана десятин

¹⁷ Versnel H. S. Two types of Roman *devotio* // Mnemosyne. Vol. 29. Fasc. 4. 1976. P. 381–383.

¹⁸ Liv., V, 21, 2–3: «Tuo ductu» inquit, «Pythice Apollo, tuoque numine instinctus pergo ad delendam urbem Veios, tibi que hinc decimam partem praedae voveo. Te simul, Iuno regina, quae nunc Veios colis, precor, ut nos victores in nostram tuamque mox futuram urbem sequere, ubi te dignum amplitudine tua templum accipiat» (курсив мой. — А. В.).

добычи, а богине-покровительнице Вей Юноне храм в Риме. По-видимому, данный обряд также был тесно связан с обрядом *evocatio*, то есть «призывания» вражеского бога, который впервые зафиксирован именно применительно к истории взятия Вей (Liv., V, 21, 3; 22, 4–6; Macrobian. Sat., III, 9, 6–4)¹⁹.

Другим компонентом *devotio*, согласно Х. Верснелю, являлось собственно самопожертвование полководца, религиозной основой для которого служил не обет (*votum*), а именно посвящение (*consecratio*). Римский полководец не мог обречь в жертву вражеское войско, над которым он был не властен, но обрекая в жертву себя (превращая себя в *sacer*), он одновременно посвящал богам и врагов, связывая их ритуальной формулой с собственной жертвой²⁰. В таком случае можно говорить о *devotio* не только, как о религиозном обряде, но и как о магическом акте, успех которого зависел от точности исполнения строго определенных ритуалом действий.

Впрочем, гипотеза Х. Верснеля вскоре после ее появления подверглась критическому разбору в специальной статье Л. Янссена. Он указывает на то, что термин *consecratio* в римской религиозной практике всегда был связан с мероприятием, проводившимся всей общиной, но никогда не подразумевал индивидуального действия. Кроме того, засвидетельствованное Макробием *devotio hostium*, никак не может быть связано с *devotio* Дециев, поскольку не применялось к латинским городам, которые после поражения не только не были разрушены, а наоборот добились значительных привилегий²¹.

Сам Янссен предлагает иную трактовку обряда *devotio*, опираясь на этимологию, возводящую этот термин к более общему *devotatio*, а также рассмотрение семантически близких ему глаголов *deprecari* и *detestari*. Он подчеркивает, что первый случай применения этого обряда относится к битве римлян с латинами (340 г. до н. э.), в ходе которой обычные предварительные

¹⁹ Об *evocatio* см.: Dumézil G., Krapp P. *Archaic Roman Religion*. Vol. II. Chicago, 1970. P. 424–31; Le Gall J. *Evocatio // L'Italie préromaine et la Rome républicaine / Mélanges offerts à Jacques Heurgon*. Vol. I. Roma, 1976. P. 519–524.

²⁰ Versnel H. S. *Two types of Roman devotio...* P. 407–409.

²¹ Janssen L. F. *Some Unexplored Aspects of devotio Deciana // Mnemosyne*. Vol. 34. Fasc. 3/4. 1981. P. 358–359, n. 9.

молитвы были обращены к одним и тем же богам, почитаемым всеми латинами наравне с римлянами. Янссен высказывает предположение, что во время битвы один из латинских командующих, следуя традиционной формуле, перед поединком призвал богов Манов забрать жизнь противника, чтобы он мог овладеть трофеями (*spolia opima*) и принести их в дар богам. В этот момент Деций решил вмешаться и немедленно нейтрализовать негативные последствия этого обета, принося себя в жертву вместе с вражеским войском с помощью обряда *devotio*. Таким образом, этот обряд был направлен на превращение *votum*, произнесенного противником, в выгодный для римского войска, что дает объяснение также этимологии самого термина *de-votio*²².

Любопытное повторение этого ритуала тремя поколениями Дециев при этом объясняется его особым индивидуальным характером и невозможностью повторения кем-либо другим, кроме консула с тем же самым именем. Особый интерес вызывает трактовка Л. Янсеном родового прозвища Мус, согласно которой оно отражало «мышинное поведение» консула, впервые совершившего *devotio*. Его вмешательство, направленное на нейтрализацию обета, произнесенного врагом, солдаты могли сравнить с мышинным писком, который, прозвучав во время религиозной церемонии, нарушает ее и делает все произнесенные ритуальные формулы лишены силы²³.

Необычный и, безусловно, заслуживающий внимания подход Л. Янсена к проблеме *devotio*, тем не менее, не позволяет принять на веру его утверждений, поскольку прямых подтверждений в источниках тому, что действия Деция в битве при Везувии были ответом на некий обет, произнесенный латинским полководцем, найти невозможно. Более того, сложно предполагать даже возможность такого рода молниеносного ответа в условиях сражения с десятками тысяч участников с обеих сторон. Наконец, Л. Янссен явно упускает из виду еще одну важную для рассказа Тита Ливия деталь, о которой мы уже упоминали в начале статьи: обоим римским консулам перед сражением во сне было дано божественное знамение о его исходе, подтвержденное в дальнейшем гаданиями гаруспиков

²² Janssen L. F. Some Unexplored Aspects... P. 370–372.

²³ Janssen L. F. Some Unexplored Aspects... P. 379.

(Liv., VIII, 9). Из этого мы можем заключить, что, по мнению римского историка, Деций знал, что он был обречен умереть за римское войско и, по крайней мере, в представлении потомков, его поступок был не столько следствием его собственной воли, сколько результатом божественного провидения²⁴.

Данное рассуждение подводит нас к заключительной части нашей статьи, в которой мы постараемся провести некоторые параллели между римским *devotio* и феноменом раннехристианского мученичества. Делать это заведомо нелегко, поскольку оба исторических явления отделены друг от друга несколькими веками римской истории и напрямую вряд ли могут быть соотнесены друг с другом. Однако если мы обратим внимание на то, что во времена ранней империи феномен *devotio* не исчезает совершенно, но, видоизменяясь, приобретает новые формы, такие параллели не покажутся совершенно невозможными. Известно, что во времена принципата появляется так называемое *devotio pro salute principis*²⁵, формальный обет, который, несомненно, был связан с рассмотренным нами ранее явлением.

Переходя к собственно текстам христианских авторов, в первую очередь необходимо обратить внимание на то, что даже для них аналогия между христианским мученичеством и языческим *devotio* не являлась чем-то совершенно невозможным. Августин в своем знаменитом произведении «О граде божьем» упоминает различные примеры языческой доблести в связи с побуждением христиан к проявлению этого качества в своей вере. В частности, он пишет:

«Если Деции, посвящая себя известными словами, обрекали себя на смерть, чтобы их гибель и укрощение их кровью

²⁴ Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Vol. I. Cambridge, 1998. P. 36.

²⁵ Впервые это действие было совершено в 27 г. до н. э. народным трибуном Секстом Пакувием Тавром, который сам себя посвятил Августу, и других заставил (Cass. Dio, LIII, 20, 2f.). Впрочем, этот обет отличался от раннеримского *devotio* формальным характером и тем, что в реальности не подлежал исполнению, если не считать случая с П. Афранием Потитом, который во время болезни Калигулы посвятил свою жизнь для выздоровления принцепса, и которого император заставил выполнить обет (Cass. Dio, LIX, 8, 3; Suet. Calig., 27).

гнева богов обеспечили победу римскому войску, то стоит ли святым мученикам гордиться, как будто чем-то достойным тем, что они делают для приобретения того отечества, в котором ждет их вечное и истинное счастье, если только не делают этого вплоть до пролития своей крови не только для братьев, за которых кровь проливается, но и для врагов, которыми она проливается, как это на самом деле и предписано, и сражаются усердные в любви к вере и в вере любви?»²⁶

Тертуллиан, обращаясь к христианским мученикам, апеллирует к языческим и, в частности, римским примерам, среди которых называет Муция Сцеволу, Лукрецию, Марка Атилия Регула (Tert. Ad Mart. IV), но еще более характерна в связи с заявленной темой следующая его сентенция: «Нас подавляют. Во всяком случае, когда мы добиваемся своего. Поэтому мы побеждаем, когда нас убивают, и, наконец, спасаемся тогда, когда нас подавляют»²⁷. Идея взаимосвязи добровольной смерти и победы, как мы видели, присутствует и в ритуале *devotio*.

Уже к концу I в. в христианской традиции складывается представление о церкви как о «духовном воинстве», противостоящем дьяволу. Особенно рельефно эта мысль выражена в письмах Киприана Карфагенского, в которых он описывает мученичество как сражение с дьяволом, нередко прибегая к военной терминологии. Описывая одно из гонений, он восклицает: «О какое это было зрелище для Господа, сколь высокое, сколь величественное, когда пред очами Божьими его воины принимали присягу и совершали воинское самопожертвование»²⁸.

Как отмечает А. Д. Пантелеев, одновременно с этим появляется идея о том, что епископ является не просто одним из братьев

²⁶ Aug. Civ. Dei., V, 18: Si se occidendos certis verbis quodam modo consecrantes Decii devoverunt, ut illis cadentibus et iram deorum sanguine suo placantibus Romanus liberaretur exercitus: nullo modo superbient sancti martyres, tamquam dignum aliquid pro illius patriae participatione fecerint, ubi aeterna est et vera felicitas, si usque ad sui sanguinis effusionem non solum suos fratres, pro quibus fundebatur, verum et ipsos inimicos, a quibus fundebatur, sicut eis praeceptum est, diligentes caritatis fidei et fidei caritate certarunt?

²⁷ Tert. Apol., L, 3: Sed obducimur. Certe, cum obtinuimus. Ergo vicimus, cum occidimur, denique evadimus, cum obducimur.

²⁸ Cyr. Epist., VIII, 2, 3: O quale illud fuit spectaculum Domino, quam sublime, quam magnum, quam Dei oculis sacramento ac devotione militis ejus acceptum.

по вере, избранным для руководства общиной, но своеобразным местоблюстителем божьим в войске Христовом, что ярко выражено в сочинениях христианских авторов конца I – начала II вв.²⁹

Если обратиться к агиографии епископа Смирны Поликарпа, можно заметить, что самого начала его мученическая смерть выделяется автором как знак божественного провидения, положивший конец преследованию других братьев по вере (Mart. Pol., 1). Как полагает Л. Джонсон, мученичество апостола являлось для христиан выражением «божественной силы» (*dynamis*), превращая событие, которое должно было бы стать сокрушительным ударом по христианской религии, в очередной этап ее успеха среди язычников³⁰. Христианский епископ также должен был ощущать особую ответственность за судьбу своей общины перед лицом гонителей веры, подобно тому, как римский полководец чувствовал ответственность за судьбу вверенного его попечению войска. Одновременно Поликарп поражает проконсула своим мужеством (*θάρσους*) перед лицом смерти (Mart. Pol., 12, 1).

Похожую сентенцию можно встретить в посланиях Игнатия Антиохийского. В послании к христианам Эфеса он называет себя «жертвой во спасение» (*ἀντίψυχος* — Ign. Eph., 21, 2), а в другом послании в ответ на сомнения язычников в истинности страданий христовых риторически вопрошает «Зачем (в таком случае. — А. В.) я заключен в оковы, зачем я пламенно желаю бороться со зверями? Что же я умираю напрасно?»³¹. Наиболее ярко стремление Игнатия к мученическому венцу выражено во второй главе послания к римлянам, где он прямо говорит о своей близости к Христу и просит не устранять от него мученичества (Ign. Rom., 2). Одновременно с этим, говоря о грядущем мученичестве, Игнатий возвращается к теме жертвы (*θυσία*), призывая братьев по вере молиться, чтобы Господь принял от него эту жертву (Ign. Rom., 4, 2).

²⁹ Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Вып. 3. 2004. С. 416 сл.

³⁰ Johnson L. T. *Among the Gentiles: Greco-Roman Religion and Christianity*. New Haven, 2009. P. 187.

³¹ Ign. Tral., 10, 1: ἐγὼ τί δέδεμαι, τί δὲ καὶ εὐχομαι θηριομαχῆσαι; δωρεὰν οὖν ἀποθνήσκω.

Идея жертвенности, несомненно, является одной из основных и в смысловом содержании обряда *devotio*. Деций-сын, пытаясь остановить бегущих римских воинов во время битвы при Сентине и видя, что это бесполезно, взывает к своему отцу и произносит: «Зачем мне отлагать долее исполнение семейного рока? Нам на роду написано приносить себя в жертву ради избавления от общей опасности. Вот и я предам на заклятие в жертву Земле и богам преисподней самого себя вместе с вражьими ратями!»³²

В диалоге Цицерона «О природе богов» один из собеседников, Г. Аврелий Котта, возражает тому, что жертва Дециев была умиловительной для богов, утверждая, что с их стороны было бы слишком сурово требовать жертвы столь великих мужей (Cic. De Nat. Deor., III, 15). Он считает их поступок военной хитростью (тем, что греки называли *στρατήγεια*), рассчитанной на то, чтобы воодушевить воинов видом своего полководца, несущегося верхом на врага. Эти рассуждения, впрочем, выдают тот факт, что *devotio* Дециев являлось чем-то экстраординарным³³. Римляне в эпоху поздней республики и ранней империи не могли представить себе более достойной смерти, чем смерть Деция, причем, как пишет Цицерон, для всех эта смерть показалась настолько славной, что его сын всю жизнь страстно стремился последовать примеру отца (Cic. De div., I, 24, 51).

Однако тема презрения к смерти, наряду со стремлением к славе, которую должна принести эта смерть, возникает и в произведениях христианских писателей, пишущих о мученичестве. Киприан в письме к мученикам и исповедникам постоянно упоминает о славе, которую приносит церкви и им самим исповедание христовой веры под страхом мучений (Сург. Epist., VIII, 1). Те, кто готов вступить в бой с «решительным самопожертвованием» (*prompta devotione redistis*), будут увенчаны «победным венцом» (*coronam victoriae*).

При этом важно заметить, что слава добровольной смерти Деция нисколько не была умалена тем, что он был обречен

³² Liv., X, 28, 13: «quid ultra moror» inquit «familiarē fatum? datum hoc nostro generi est ut luendis periculis publicis piacula simus. Iam ego mecum hostium legiones mactandas Telluri ac Dis Manibus dabo». (Курсив наш. — А. В.).

³³ Barton A. The Scandal of the Arena // Representations. № 27. 1989. P. 20.

на эту смерть богами, которые во сне обещали ему великую славу, если он примет смерть в гуще врагов. В связи со сном Деция и идеей осознания собственной обреченности на смерть, можно вспомнить также рассказы о снах, увиденных Перпетуей и Сатуром в тюрьме незадолго до казни, которые передаются в «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты». Что касается Перпетуи, то в той части повествования, которая основана на ее собственном рассказе, сны появляются несколько раз в качестве божественного откровения (Pass. Pergr., 1, 3; 2, 3; 2, 4; 3, 2; 4). Подобным образом и Сатур видит сон, который предвещает ему и его товарищам райское блаженство как награду за мученический венец (Pass. Pergr., 11–13). Если мы вернемся к мученичеству Поликарпа, то и там обнаруживаем следы божественного откровения: когда епископ выходит на арену, он слышит голос с небес: «Будь сильным, Поликарп, и веди себя, как подобает мужам»³⁴. Идея мужественности поведения мученика также коррелирует с римским понятием доблести (*virtus*), необходимой для магистрата с империем не меньше, чем другие традиционные римские добродетели и определяющей степень его «достоинства» (*dignitas*)³⁵. Тертуллиан называет Перпетую «крайне стойкой мученицей» (*fortissima martyr*. — Tert. De An., 55, 4), намеренно применяя эпитет, характеризовавший для римлян мужское поведение.

Еще одна характерная деталь, которая возникает, как в описании *devotio*, так в свидетельствах о христианских мученичествах, — это преображение человека под воздействием божественной силы в момент, предшествующий гибели. Ливий сообщает, что когда Деций бросился в гущу врагов, он «был замечен в том и другом войске, так как облик его сделался как будто величественнее человеческого»³⁶. Сравним это свидетельство с описанием выхода Перпетуи на арену: «Следом вышла Перпетуя с сияющим ликом и, шествуя спокойно, подобно жене христовой и приятной Господу, силой очей

³⁴ Mart. Pol., 9, 1: "Ἰσχυε, Πολύκαρτε, καὶ ἀνδρίζου.

³⁵ Штаерман Е. В. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. I, М., 1985. С. 26.

³⁶ Liv., VIII, 9, 10: *conspectus ab utraque acie, aliquanto augustior humano visu.*

заставляла всех отводить взор»³⁷. Как отмечает в своей статье А. Бартон, самоубийство может становиться крайней формой самоопределения, свидетельством огромной (или даже чудесной) силы воли и духа³⁸.

Подводя итоги, следует обратить внимание на то, что феномен римского *devotio*, помимо своего религиозного содержания, был одной из форм «благородной смерти», которые воспевались античными авторами. Иными словами, по римским представлениям, самопожертвование Дециев было крайней формой проявления римского аристократического духа, единственно-возможным ответом полководца, несущего ответственность за свое войско, на критические обстоятельства, сложившиеся на поле боя.

Христианские авторы не случайно воскрешали в своих произведениях образы языческих «героев-мучеников». Для римского сознания мученик на арене — существо низшее, лишенное какого бы то ни было достоинства, подобно преступнику или рабу. Христианину было важно противопоставить этому свое самоощущение, показать зрителям его мучений, что он умирает по собственной воле подобно римскому аристократу.

Христианская община, несмотря на свою замкнутость, существовала в рамках античной культуры и в поисках точек соприкосновения с нею обращалась к самым разным примерам, которые могли послужить защите церкви от обвинений язычников. Сравнение христианского мученичества с *devotio*, как с одним из наиболее ярких примеров благородного самопожертвования в коллективной памяти римлян должно было играть особую роль и в апологетической риторике.

Таким образом, рассмотрев некоторые аспекты столь разных религиозных явлений, как раннеримское *devotio* и раннехристианское мученичество, мы приходим к выводу о том, что оба эти феномена прекрасно укладывались в общее для всего античного мироощущения представление о достойной

³⁷ Pass. Perp., 18, 2: Sequebatur Perpetus lucido vultu et placido incessu ut matrona Christi, ut Dei delicata, vigore oculorum deiciens omnium conspectum.

³⁸ Barton A. Savage Miracles... P. 50.

смерти. Примерами подобного рода была наполнена не только римская (Гораций Коклес, Регул, Катон Младший), но и древнегреческая история (Кодр, Леонид, Сократ). Во всех указанных случаях общим мотивом был индивидуальный выбор, сделанный человеком под давлением внешних обстоятельств, что говорит о глубоко индивидуализированном характере как римского *devotio*, так и раннехристианского мученичества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Вып. 3. 2004. С. 413–428.
2. Штаерман Е. В. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. I. М.: Наука, 1985. С. 22–105.
3. Altheim F. A History of Roman Religion / Transl. by H. Mattingly. — London: Methuen & Co. LTD., 1938. — xiv, 548 p.
4. Barton A. The Scandal of the Arena // Representations. № 27. 1989. P. 1–36.
5. Barton A. Savage Miracles: The Redemption of Lost Honor in Roman Society and the Sacrament of the Gladiator and the Martyr // Representations. N 45. 1994. P. 41–71.
6. Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Vol. I. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — 476 p.
7. Bouché-Leclercq A. Devotio // Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines. 1892. T. II. P. 113–119.
8. Bowersock G. W. Martyrdom and Rome. — Cambridge; York: Cambridge University Press, 1995. — xii, 106 p.
9. De Francisci P. Primordia civitatis. — Roma: Apollinaris, 1959. — 785 p.
10. Deubner L. Die Devotion der Decier // Archiv für Religionswissenschaft. 1905. Bd. 8. S. 66–81.
11. Dumézil G., Krapp P. Archaic Roman Religion. 2 vols. — Chicago: University of Chicago Press, 1970. — xxx, 715 p.
12. Edwards C. Death in ancient Rome. — New Haven; London: Yale University Press, 2007. — xii, 287 p.
13. Janssen L. F. Some Unexplored Aspects of devotio Deciana // Mnemosyne. 1981. Vol. 34. Fasc. 3/4. P. 357–381.
14. Johnson L. T. Among the Gentiles: Greco-Roman Religion and Christianity. — New Haven: Yale University Press, 2009. — 480 p.
15. Koch K. Gestirnverehrung im alten Italien: Sol Indiges und der Kreis der di Indigetes. — Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1933. — 120 s.

ВЫПУСК IV

16. Le Gall J. *Evocatio* // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine / Mélanges offerts à Jacques Heurgon*. Vol. I. — Roma: Ecole française de Rome, 1976. P. 519–524.
17. Nock A. D. *A Feature of Roman Religion* // *Roman Religion* / Ed. by C. Ando. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. P. 84–97.
18. Orlin E. M. *Temples, religion and politics in the Roman Republic*. — Boston; Leiden: Brill Academic Publishers, 2002. — ix, 227 p.
19. Schilling R. *The Roman Religion* // *Historia Religionum* / Ed. by C. J. Bleeker; G. Widengren. Vol. I. — Leiden: E. J. Brill, 1969. P. 442–494.
20. Versnel H. S. *Two types of Roman devotio* // *Mnemosyne*. 1976. Vol. 29. Fasc. 4. P. 365–410.
21. Wagenvoort H. *Roman dynamism; studies in ancient Roman thought, language and custom*. — Oxford: B. Blackwell, 1947. — xi, 214 p.
22. Warde Fowler W. *The Original Meaning of the Word Sacer* // *Journal of Roman Studies*. Vol. 1. 1911. P. 57–63.
23. Wissowa G. *Devotio* // *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly*. Bd. 5. — Stuttgart: Wissowa, 1905. Sp. 277–280.
24. Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer* / 2. Aufl. — München: C. H. Beck, 1912. — xii, 612 s.

REFERENCES

1. Panteleev A. D. (2004) *Hristiane i rimskaja armija ot Pavla do Tertuliana* [Christians and Roman army from Apostle Paul to Tertullian], *Mnemon*, Saint-Petersburg, n. 3, pp. 413–428. (in Russian)
2. Štaerman E. V. (1985) *Ot graždanina k podannomu* [From the citizen to the subject], *Kultura drevnego Rima*, vol. I, Moscow: Nauka, pp. 22–105.
3. Altheim F. (1938) *A History of Roman Religion*, London: Methuen & Co. LTD., xiv + 548 p.
4. Barton A. (1989) *The Scandal of the Arena*, *Representations*, n. 27, 1989, pp. 1–36.
5. Barton A. (1994) *Savage Miracles: The Redemption of Lost Honor in Roman Society and the Sacrament of the Gladiator and the Martyr*, *Representations*, n. 45, pp. 41–71.
6. Beard M., North J., Price S. (1998) *Religions of Rome*, vol. I, Cambridge: Cambridge University Press, 476 p.
7. Bouché-Leclercq A. (1892) *Devotio*, *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*, vol. II, pp. 113–119.
8. Bowersock G. W. (1995) *Martyrdom and Rome*, Cambridge, New York: Cambridge University Press, xii + 106 p.
9. De Francisci P. (1959) *Primordia civitatis*, Roma: Apollinaris, 785 p.
10. Deubner L. (1905) *Die Devotion der Decier*, *Archiv für Religionswissenschaft*, vol. 8, pp. 66–81.
11. Dumézil G., Krapp P. (1970) *Archaic Roman Religion*, 2 vols., Chicago: University of Chicago Press, xxx + 715 p.

12. Edwards C. (2007) *Death in ancient Rome*, New Haven, London: Yale University Press, xii + 287 p.
13. Janssen L. F. (1981) *Some Unexplored Aspects of devotio Deciana*, *Mnemosyne*, vol. 34, fasc. ¾, pp. 357–381.
14. Johnson L. T. (2009) *Among the Gentiles: Greco-Roman Religion and Christianity*, New Haven: Yale University Press, 480 p.
15. Koch K. (1933) *Gestirnverehrung im alten Italien: Sol Indiges und der Kreis der di Indigetes*, Frankfurt am Main: V. Klostermann, 120 p.
16. Le Gall J. (1976) *Evocatio, L'Italie préromaine et la Rome républicaine: Mélanges offerts à Jacques Heurgon*, vol. I, Roma: Ecole française de Rome, pp. 519–524.
17. Nock A. D. (2003) *A Feature of Roman Religion*, *Roman Religion* (ed. C. Ando), Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 84–97.
18. Orlin E. M. (2002) *Temples, religion and politics in the Roman Republic*, Boston, Leiden: Brill Academic Publishers, ix + 227 p.
19. Schilling R. (1969) *The Roman Religion*, *Historia Religionum* (ed. C. J. Bleeker, G. Widengren), vol. I, Leiden: E. J. Brill, pp. 442–494.
20. Versnel H. S. (1976) Two types of Roman devotio, *Mnemosyne*, vol. 29, fasc. 4, pp. 365–410.
21. Wagenvoort H. (1947) *Roman dynamism: Studies in ancient Roman thought, language and custom*, Oxford: B. Blackwell, xi + 214 p.
22. Warde Fowler W. (1911) *The Original Meaning of the Word Sacer*, *Journal of Roman Studies*, vol. 1, p. 57–63.
23. Wissowa G. (1905) *Devotio*, *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly*, Stuttgart: Wissowa, vol. 5, Sp. 277–280.
24. Wissowa G. (1912) *Religion und Kultus der Römer* (2nd ed.), München: C. H. Beck, xii + 612 p.